

Теннадий
★ Петров ★

ЛЮБОВЬ

Теннации
Петров

ЛЮБОВЬ

РОМАН

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1986

Петров Г.
П-30 **Любовь: Роман.** — Л.: Сов. писатель, 1986. — 480 стр.

Действие романа Геннадия Петрова «Любовь» происходит в наше время в Сибири на строительстве крупного нефтехимического комбината. Среди главных героев — секретарь обкома партии Живицын, главный инженер стройки Степанов, журналистка Татьяна Вербинина. В столкновении различных подходов к общему делу выявляется нравственная сторона конфликта, соотношение личного и общественного в судьбе людей.

П $\frac{4702010200-035}{083(02)-86}$ 106—86

ББК 84.Р7

Геннадий Федорович Петров

ЛЮБОВЬ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 480 стр. План выпуска 1986 г. № 106.

Художник *М. Е. Новиков*

Редактор *А. Л. Мясников*

Худож. редактор *А. С. Орлов*

Техн. редактор *Е. Ф. Шараёва*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Р. М. Данциг*

ИБ № 5122

Сдано в набор 10.01.86. Подписано к печати 13.05.86. М 42512. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 27,30. Тираж 100 000 экз. (2-й завод 30 001—100 000 экз.). Заказ № 326. Цена 2 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Отпечатано с матриц типографии им. Котлякова издательства «Финансы и статистика» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191023, Ленинград, Садовая, 21, в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

о бетону аэродрома змеилась по-земка. Открыли дверь, и в духоту самолета ворвалась волна холода. На трапе встретил резкий ветер, ударил в лицо, пронизал одежду, мигом остудил тело. Автобус еще не подошел. Пассажиры зябко табунились, застегивались на все пуговицы, поднимали воротники.

— Куда ты меня привез!

Таня улыбнулась, показывая, что шутит, но в голосе слышался неподдельный испуг. Сергей прижал жену к себе, сказал подбадривающе:

— Не робей, то ли еще будет!

Это мало ее успокоило. Объявленный стюардессой двадцатиградусный мороз все равно оказался неожиданным. Слишком резким получился бросок из солнечного утра московской золотой осени в ночную темень сибирской зимы. Кутаясь в легкую синтетическую шубку, Таня окончательно поняла, что начинается новая жизнь, совершенно не похожая на прежнюю. Все здесь иное и иначе, абсолютно все, думала она, еще не видевшая Сибири даже в иллюминатор, но уверенная, что здесь, в Приобске, ничего общего с Москвой и вообще с Европой быть не может. И сама она теперь не та, что была в Москве, рядом с бывшим мужем, который так много ей дал и еще больше отнял. Отнял, прежде всего, веру. Но вот вера вернулась вместе с новой любовью и повела за три с лишним тысячи километров от дома, от привычного круга жизни.

Таня не хотела сейчас думать об этом. Думать нужно было о другом. Дожидаясь чемоданов в тесном здании аэропорта, она ругала себя за то, что плохо подготовилась к переезду. Знала же, хоть и понаслышке, что в Сибири зимы долгие и суровые, но умозрительное зна-

ние казалось в родном уюте Москвы недостоверным и не заставило действовать решительно и быстро. Да и столько волнений и хлопот выпало на последние недели... Вот и не запасла теплой одежды ни себе, ни Сергею. Удастся ли в этой глухомани купить то, что нужно? Здесь, наверное, в продаже только зипуны и валенки. Попыталась представить, что такое зипун, и не смогла. В зале стояли в очередях на регистрацию билетов, ждали приглашения на посадку или получение багажа сотни людей, одетых так пестро и разнообразно, что в одном месте встретились разные времена года и моды нескольких десятилетий.

Приободрила и немного успокоила Татьяну только черная «Волга» — совершенно такая же, как в Москве, и великолепно ухоженная. Машину, как и было обещано по телефону, прислали из гаража обкома партии. О них позаботились, сдержали слово, и эту мелочь Таня восприняла как добрый знак.

С помощью шофера еле затолкали вещи в багажник и на переднее сиденье. Устроились сзади. Сергей взял Танину руку, погладил и поцеловал. Она благодарно глянула на мужа, прижалась к его плечу, но тут же отстранилась: ей необходимо было видеть дорогу и все, что можно рассмотреть в свете фар сквозь мельтешенье снежинок.

Белое поле, темная стена леса, скупая россыпь огней в окнах одноэтажных домов...

— Это — Приобск?!

— Село Заиграево, — басовито ответил шофер. — До города, однако, еще двадцать два километра.

— У вас давно так холодно?

— Две недели, как снега легли. Так разве это холод? Зима еще вся впереди.

— Ой, не пугайте! И так страшно.

— А чо бояться? Обвыкнете. Еще полюбите наши места.

Шофер, осведомленный, что везет не командированных, а новоселов, был немногословен, разговора не затевал, но отвечал охотно и приветливо. От его плотной фигуры, уверенной и спокойной манеры вести машину, неторопливой речи исходило ощущение доброй силы, надежной основательности. Сергей слушал его с удовольствием. Удачный встретился им первый сибиряк.

Татьяна уже выспросила, что шофера зовут Колей. Женат, Сыну шесть лет. Жена работает диспетчером в

том же обкомовском гараже. Родом они
ревни Поваренки, что на севере области.
его родители, а с ними, в городе, теща.

— Поваренка? Почему так называется?

— Большая ложка, значит. Раньше у нас ложки ре-
зали.

— Какая прелесть! А еще чем ваша Поваренка зна-
менита?

— Там у нас благодать. Река, озера, тайга...

— Красиво, наверное. Хорошо бы съездить.

— А поедем, если не передумаете. Можете у моих в
отпуске пожить. Лучше всякого санатория.

— Так уж и лучше?

— Ну!

— И никуда больше не тянет?

— А зачем? Как отпуск, я с ружьем — в лес. У меня
на болоте своя кочка. Сяду и просижу весь месяц. Само
то!

— Как вы сказали?

— Ну, это по-нашему, по-сибирски. Значит, в самый
раз, лучше не надо.

Татьяна звонко рассмеялась.

— Столько на свете интересного, Коля, а вы — на
кочку. Другие хотят путешествовать, ездят по стране, за
границу...

— Кому что. Мне отдых — от езды.

За разговором не заметили, как оказались в городе.
По просторной привокзальной площади подкатили к
современному зданию гостиницы с неоновым зелено-бе-
лым названием «Сибирь», вошли в ярко освещенный
вестибюль. Коля втащил два самых тяжелых чемодана,
аккуратно поставил их около колонны. Сергей поблаго-
дарил его и хотел попрощаться, но тот не спешил ухо-
дить:

— Не по-хозяйски будет гостей бросить. Вот номер
получите, вещи занесем, тогда и поеду со спокойной ду-
шой.

Вдоль длинной стойки администратора сутулилась
терпеливая очередь. Перед ней блестела массивная таб-
личка из лакированного дерева с накладными белыми
пластмассовыми буквами: «Свободных мест нет». За
стойкой рыхлая женщина в свалывшемся фиолетовом
парике вязала шерстяную кофту. Спицы так и мель-
кали. Сергей протянул ей паспорт:

— Будьте добры, по брони обкома.

Администраторша недовольно отложила вязанье, порылась в бумажках и швырнула паспорт на стойку:

— Степанову не заказано.

— Как же так? Не может быть. Вы, наверное, не заметили...

— Я не слепая, гражданин.

Голос у нее был резкий, словно предназначенный для скандалов на коммунальной кухне.

— Тогда посмотрите, пожалуйста, на Вербинину, — вmeshалась Таня.

— Вербинина? Есть Вербининой. Двухместный номер.

— Ага, я в этом городе главнее тебя! — Она засмеялась по-девичьи звонко.

Очередь заинтересовалась неожиданным развлечением, уставилась на молодую игривую женщину. Сергею стало неловко и досадно, что их разглядывают, но его радовало настроение жены. Он видел, как расстроила Таню встреча с Сибирью, а теперь, после успокоительной болтовни с шофером, она заметно повеселела. Ответил ей в тон, вполголоса, чтобы не привлекать внимания:

— Вот и замечательно, что ты главнее. Наконец-то стану подкаблучником! Давно мечтал о такой жизни.

Тем временем администраторша снова выбросила их паспорта на стойку.

— Я не могу поселить вас вместе, — громко заявила она, глядя в сторону. В ее тоне явно звучало осуждение: «Ну и бесстыдники! Фамилии, адреса, дети — все у них разное, а норовят в один номер...»

— Посмотрите внимательно, — разозлился Сергей. — Там все написано.

Этого только не хватало — обсуждать их семейные дела здесь, да еще в таком тоне. Сергей бросил взгляд на Колю. Тот безучастно стоял в сторонке и разглядывал вестибюль, словно видел его впервые.

Наконец администраторша нашла в паспортах штампы московского загса. Поджав губы, выписала квитанцию.

Нужно было не обращать внимания на эту блюстительницу морали. Татьяна — вот что значит хорошая школа! — на нее даже не глянула, усердно перебирала содержимое косметической сумочки. А Сергею сцена у стойки испортила настроение: видно, оказалась несбыточной надежда избавиться в Сибири от пересудов. «Ладно, посмотрим», — оборвал он неприятные мысли.

Номер оказался тесным и убогим. У противоположных стен — две узкие постели с высокими деревянными спинками с трех сторон. Точь-в-точь ящики комода. Шкаф, встроенный в стенку передней, конечно, мал и неудобен. В нем не разложить и половины Таниных нарядов.

— Я же ясно сказала по телефону: нам нужен двухкомнатный люкс, — негодовала Татьяна. Она взяла на себя переговоры с обкомом партии об их приезде и теперь чувствовала вину за неудачу с гостиницей. — Пойду скандалить!

— Успокойся, милая. Ты от этой фиолетовой дамы все равно не добьешься ничего, кроме хамства. А начальство давно дома телевизор смотрит. Вот завтра в обкоме можешь заявить протест.

— И заявлю! Мне же работать негде. Должны они это понимать?

— Должны, должны. Снимай шубу. Ужинать хочешь?

— Хочу чаю, но сначала закажу дом. Обещала сразу позвонить.

Когда междугородная дала разговор с Москвой, дочь похвасталась Татьяне «пятеркой» по арифметике, нетерпеливо спросила, когда они ее заберут в Сибирь, потребовала к телефону Сережу, говорила с ним весело и нежно. Мать в тревоге допытывалась, что за город Приобск, какая там погода и удобно ли в гостинице. Передала привет Сергею Алексеевичу. Под конец всхлинула:

— Ох, Татьяна! Что ты натворила! Ну, ладно, береги себя. . .

Отец сдержанно пожелал здоровья и успехов, а о новом зяте даже не обмолвился, словно Таня поехала одна в командировку и скоро вернется. Три самых дорогих человека, три разных характера, и у каждого — свое отношение к тому резкому повороту, что совершила она в своей жизни и в их судьбах.

— Гневаются? — спросил Сергей, озорно блестя глазами.

— Беспокоятся. А ты как думал? Не всем же влюбляться в тебя с первого взгляда. Ничего, все постепенно образуется.

— Теперь пойдем ужинать?

— Нет, давай лучше возьмем что-нибудь в буфете с собой, поужинаем здесь, Побудем наконец вдвоем,

Сергей обнял жену. Они долго стояли посреди комнаты в окружении наспех брошенных куда попало чемоданов и сумок. Он молча целовал ее губы, лицо, шею. Татьяна мягко оттолкнулась от него. Зажмурившись, часто и сильно затрясла головой. Ее бледно-золотистые волосы разлетелись, спутались.

— Голова закружилась, — проговорила она. — И ноги ослабли. Так не надо, а то ни в какой буфет не пойдем.

Они все-таки пошли в буфет и принесли сосиски, винегрет в тарелочках из фольги, сыр, булочки.

— Подожди, ничего не клади на стол. Нужно же скатерть постелить. А ты на голом столе торжественный ужин накрываешь.

— Извини, но скатерть не предусмотрена. Может, газеткой обойдемся, по-походному?

— Газеткой! — весело-презрительно фыркнула Татьяна. — Запомни: такого безобразия в нашем доме не будет. А скатерть предусмотрена. Раскрой-ка желтый чемодан.

Действительно, в желтом чемодане сверху лежала небольшая синтетическая кружевная скатерть. Стол сразу стал нарядным. Таня сбегала к дежурной по этажу за чайником. Заварка у нее тоже была припасена.

— Завтра куплю чашки, — заявила она. — Терпеть не могу пить чай из стакана.

— Покупай уж сразу сервиз на шесть персон. Или даже на двенадцать. Все равно нужно обзаводиться хозяйством.

Они улыбнулись друг другу. Их радовало, что наступило долгожданное время вить гнездо. Гостиничная жизнь — этап короткий. Дадут квартиру, и появится у них свой дом. Их первый настоящий дом!

— Сережа, о квартире говорить в обкоме буду я. Ты только надувай щеки, как отец русской демократии. А то начнешь мямлить и все испортишь.

— Слушаюсь! Что еще остается подкаблучнику? Хотя ты явно недооцениваешь мои деловые качества. А ведь не кого-нибудь — меня назначили директором крупнейшего в отрасли комбината, флагмана советской нефтехимии. Значит, есть за что. Как ты думаешь?

— Думаю, правильно назначили, — серьезно ответила Татьяна. — Ты будешь прекрасным директором, я это чувствую. Ты талантливый. Да-да, не гримасничай, талантливый инженер и исследователь. Не знаю, какой ты

организатор, но, вероятно, толковый, дельный. Ты умеешь и любишь работать. Ты очень хорош с людьми, они тебе поверят и за тобой пойдут.

— Откуда такие сведения? — удивился Сергей. — Можно подумать, что ты моим заместителем работала. Или начальником. А может, ты ясновидица?

— Не перебивай. Любящая женщина всегда ясновидица и способна увидеть все достоинства любимого, скрытые от посторонних глаз, даже такие, которых он сам в себе не подозревает. Кроме того, я научилась в людях разбираться, понимать, кто чего стоит. Вот видишь, и себя похвалила. В общем, директором ты будешь на месте. Для своего комбината, для дела всего добьешься. Но не для себя. Твоя скромность, милый, переходит все границы, из достоинства превращается в недостаток.

— Скромность не может быть недостатком, — возразил Сергей.

— Еще как может. Бывает, нужно постоять за себя, напомнить о себе, попросить и потребовать. Вот и с квартирой. Скромность тут ни к чему. Короче говоря, не спорь и не вмешивайся, за квартиру буду воевать я. Да мне и удобнее. По всем статьям должны пойти навстречу.

Таня от возбуждения покраснела, глаза лучились ярким синим светом. Сергей улыбался, глядя на жену. Ему нравилась ее решительность, радовало желание как можно лучше устроить их семейную жизнь. Он и сам испытывал такое же чувство. Это чувство было новым, непривычным, как и все, что происходило с ним с тех пор, как познакомился с Таней.

С ее появлением стремительно и бесповоротно менялся окружающий мир. И он, Сергей Степанов, становился другим, перерождался, с жутковатым волнением открывал в себе небывалые качества, совершал поступки, абсолютно не свойственные ему раньше. Странное состояние для тридцатисемилетнего мужчины!

Вероятно, эти незнакомые качества были заложены в нем, но долго таились, дремали без надобности, а теперь проснулись и заговорили. Он перерождался, что-то обретая, а что-то и теряя — хорошее вместе с дурным.

Понимает ли Таня, какой переворот совершила в нем? Должно быть, понимает. Но полюбила она его преж-

ним — застенчивым, неловким, болезненно неуверенным в себе. Или уже тогда, в начале, провидела в нем какие-то неизвестные ему черты и сразу же начала их вышелушивать из скорлупы прежней, ложной жизни?

В той жизни ему было легко и свободно только на заводе. Сергей пришел на Ленинградский завод полимерных материалов сразу после университета. Работал мастером, потом руководил сменой, цехом, опытным производством. И везде чувствовал себя на месте, находил удовлетворение, а временами — счастье. Выбрали в комитет комсомола — тоже работал с охотой и старанием, отвечал за физкультуру и спорт. Играл в заводской волейбольной команде, втягивал ребят в спортивные секции, устраивал спартакиады, лыжные пробеги, туристские походы. Прекрасное было время! Впрочем, и позже, когда возраст заставил расстаться с комсомолом и спортом, ему нашлось дело по душе: партком поручил возглавить комиссию по внедрению новой техники и технологии.

Еще в цехе Сергей увлекся исследованиями — родилась идея усовершенствовать конструкцию реактора. Сначала экспериментировал без дальней цели, только помогал заводу. Потом, когда появились интересные результаты, рассказал о них своему руководителю диплома, университетскому профессору. Тот уверенно сказал:

— Вы на пути к диссертации. Я давно заметил, что у вас есть исследовательская жилка. Напрасно вы не стремились в аспирантуру и пошли на завод, а не в НИИ. Впрочем, в этом есть свои плюсы. Оформляйтесь в соискатели, будем работать. Согласны?

Сергей взялся, хотя и посмеивался над бывшими соучениками: они почти поголовно стали диссертантами, а ближайший друг Игорь Орлов защитился одним из первых. Вот потеха-то! Ни дня не работал на производстве, да и в науках не блистал, но быстренько испек ничемный труд и получил степень кандидата. Правда, талантами природа наделила его щедро, даже сверх меры. Игорь знал все, был способен пространно рассуждать о новейших космологических концепциях, об особенностях русского барокко, о судьбе австралийских аборигенов и еще о чем угодно. Любил поразить необыкновенными познаниями, а на восхищенные расспросы, откуда такая

энциклопедичность, отвечал со скромностью гордеца!

— На кроссвордах насобачился.

Ему, конечно, по силам было сделаться толковым инженером, но Игоря не прельщала перспектива превратиться в тягловую лошадь отечественной индустрии, подобно Сергею Степанову. Иное дело — богатое возможностями общественное поприще. Игорь Орлов отдался организаторской деятельности на посту председателя профкома. Извлекал из нее немало выгод: свободное расписание, снисхождение экзаменаторов, льготные путевки, интересные командировки... После окончания университета его взяли в обком профсоюза. Ребята над ним подтрунивали, он отшучивался, а в душе был доволен. Нынешняя маленькая должность представлялась ему первой ступенькой длинной крутой лестницы на Олимп. Вскоре Игорь почувствовал, что для успешного восхождения ему необходим диплом кандидата наук.

— Серега, без этого ковра-самолета в наш век научно-технической революции высоко не поднимешься, — убеждал он друга. — Помогай, старик! Да и самому пора остепеняться.

Сергею хватало материала на пяток диссертаций. Игорю он помог, но сам предпочитал заниматься нужным заводу делом, а не сочинением пухлой рукописи, от которой производству пластмасс — никакого толка. Не беспокоила Сергея и карьера, он не гнался за должностями, ответственные посты шли к нему сами. Не убедил его Игорь. Даже уважаемый профессор не убедил бы, не вмешайся директор завода Карл Оттович Ярвинен.

Почему-то директор давно заметил молодого инженера Сергея Степанова. При каждом удобном случае разговаривал с ним, расспрашивал — не только о работе: интересовался планами, взглядами, обстоятельствами жизни. Первое время внимание Ярвинена смущало Сергея: не понимал — что ему надо? Но постепенно такие разговоры стали потребностью. Все-таки даже взрослому и вполне самостоятельному парню порой не хватает старшего товарища, наставника что ли. Особенно, если вырос без отца, которого видел последний раз в сорок четвертом, во время короткой побывки с фронта. А Ярвинен, хоть еще в гражданскую успел повоевать, умел быть товарищем Сергею и другим молодым, в кого верил. Сергей стал сам приходить к нему — посоветоваться, поделиться идеей. Никогда ни о чем не просил

он Карла Оттовича, даже квартиры не просил, хотя в комнате, поделенной пополам фанерной перегородкой, стало тесно до невозможности. Люська, соплячка, не долго думая выскочила замуж, привела в дом на Бармалеевой улице румяного старшину милиции Костю и быстро родила двоих детей. То ли Сергей невзначай обмолвился Ярвинену, что спит на раскладушке, упираясь длинными ногами в платяной шкаф, то ли директор узнал об этом от кого-то другого, только сам заставил Сергея написать заявление и выхлопотал однокомнатную квартиру в новом микрорайоне за Московским парком Победы.

Вот и с диссертацией — Сергей только заикнулся Карлу Оттовичу, что известный всем ленинградским химикам профессор заинтересовался результатами его экспериментов и предлагает сотрудничество, как Ярвинен обеими руками радостно потер совершенно лысую, словно полированную голову:

— Отлично! Начнем ковать собственные научные кадры. А то стыд и срам — ни одного кандидата наук на заводе.

Он не принял отговорок, развеял сомнения и сделал все, чтобы создать Сергею условия для успешной работы над диссертацией. Равняясь на директора, помогали и другие. В цехах, отделах машинно-счетной станции выполняли все просьбы. Лаборантки оставались после смены, чтобы закончить очередной эксперимент.

Особенно старательно помогала ему Галина. Как только появилась в центральной лаборатории со свеженьким дипломом технологического института, так и прилипла к Сергею, к его исследованиям. Засиживалась с ним допоздна, определяла свойства полученных пластмасс, ходила в библиотеку и конспектировала литературу по его теме. Сергея смущала самоотверженность новенькой: еще подумают, что он эксплуатирует молодого специалиста в личных целях! Попытался тактично отказаться от ее помощи:

— Зачем вам, Галя, тратить молодую жизнь на мои сомнительные упражнения? Так вы рискуете растерять женихов и остаться старой девой. Развлекайтесь, порхайте на воле, а я уж буду двигать научно-технический прогресс.

Галина смеялась, узко щуря черные блестящие глаза, по-птичьи наклоняя голову к покатоному плечу:

— Я тоже хочу двигать прогресс!

— Понимаете, мне неловко. Пойдут разговоры... Я же все-таки начальство и не должен допускать ничего такого...

— Какого — такого? Вам помогают многие, и ничего.

— Во-первых, они помогают от случая к случаю, а вы постоянно. Во-вторых, помощь старых товарищей — нормальное дело. Тут никто меня не упрекнет, и я не чувствую угрызений совести.

Галина подумала и решила обидеться:

— Значит, я — не товарищ? И мое участие в вашей работе аморально? Странно вы рассуждаете. Я же просто так, от чистого сердца. Мне это ничего не стоит. И самой интересно. А вы... Ладно, не буду, если мешаю...

Она сидела, нахохлившись, водила пальцем по столу, уставленному химической посудой. Сергей потоптался возле, повздыхал. Тихонько провел ладонью по черным прямым коротко подстриженным волосам:

— Ну, хорошо, хорошо... Давайте посмотрим, что у нас получается.

Чтобы как-то выразить свою признательность, однажды пригласил ее в кино. В ответ она принесла билеты на симфонический концерт. Он повел ее в театр... Так и пошло. Они стали почти неразлучны, хотя еще никаких слов о любви сказано не было. Да Сергей и не испытывал к Галине особых чувств. С ней было легко и спокойно. Она была первым его слушателем, помощником и советчиком в работе над экспериментальной частью диссертации. А за пределами завода они болтали обо всем, что приходило в голову, и разговоры становились все откровеннее.

Однажды Галина поведала о своих неудачах. Оказывается, мечтала стать балериной, училась в хореографическом училище. В восьмом классе повредила колено и больше танцевать не смогла. Перешла в обычную школу, ползла на «тройках». Жизнь потеряла смысл. Но мать не спускала с нее глаз, не оставляла одну ни на минуту, вместе с ней учила уроки. В конце концов заставила взять себя в руки. Помог и дружный класс — ребята растормошили ее, втянули в свою жизнь. Галина играла на фортепиано и стала непременной участницей школьных вечеров. Любовь к музыке родила новую мечту — поступить в консерваторию. Готовилась изо всех сил, но не прошла по конкурсу. Тогда с закрытыми глазами развернула справочник для поступающих в вузы, ткнула пальцем — так выбрала институт, а факультет подвер-

нулся тот, на котором меньше была очередь сдающих документы. Сносно училась только из самолюбия: не хотелось краснеть перед преподавателями и выслушивать обидные слова на комсомольских собраниях. Подстегивала и патологическая робость перед матерью — женщиной властной, с твердым и жестким характером.

Лидия Аркадьевна была одержима тщеславием. Мечтала стать великой актрисой. Не стала даже маленькой. Получилась из нее обыкновенная учительница. Сделала ставку на дочь — решила ее вывести в знаменитости и тем восторжествовать над судьбой. Опять крах. Теперь дочь ее постоянно раздражала: Лидия Аркадьевна не могла простить ей крушения своих надежд.

Так рассказывала Галина. Сергей верил и не верил: что за дикие отношения между самыми близкими людьми!

— Я только теперь почувствовала интерес к химии, — сказала Галина. — Благодаря твоим исследованиям. А ты хотел меня отстранить.

Он давно уже не хотел этого. Постепенно Галина оттеснила остальных его помощниц. Те убедились: парень на крепком крючке. А он считал себя по-прежнему свободным. Ведь между ним и Галиной до сих пор ничего не было. Они только перешли на «ты» — подумаешь, какая близость! Сергей не испытывал даже легкой влюбленности, хотя понимал тех заводских ребят, которые добивались расположения Галины. Она вовсе не дурна: маленькая круглая голова, приятное лицо с аккуратным носиком, тяжеловатая, но довольно ладная фигура, сильные, натренированные ноги, привыкшие ходить по-балетному, ступнями вразброс. К тому же, неглупа и не капризна. С такими несомненными достоинствами кавалеров ей хватало. Но Галина, как пришипленная, держалась за Сергея.

Так прошел год их знакомства, начался второй. Поздней осенью Сергея вызвали в Москву на курсы повышения квалификации. Вызов устроил Игорь, вдруг ставший референтом министра. Сидя в его крошечном, но солидном кабинете, Сергей негодовал:

— Два месяца тут околачиваться по твоей милости! На заводе дел невпроворот, с диссертацией еще возиться и возиться, а ты... Удружил, называется!

— Серега, брось! — посмеивался Игорь. — Соскучился я по тебе. Давно пивка вместе не пили. Неужели ты не рад встрече? А курсы, старик, не простые — золо-

тые. Собрали резерв на выдвижение. На твоём заводе главный инженер, кажется, к пенсионному рубежу подошёл? Вот и будешь главным.

— Меня и своё место устраивает.

— О тебе забочусь, а ты ещё гневаешься, — не унимался Игорь, с шутливым укором качая лобастой головой. — Опять же, имеются в наличии бесхозные, но вполне достойные внимания москвички. Женить тебя хочу. Хватит бобылем сидеть в своей малогабаритной берлоге.

Тут рассмеялся Сергей:

— Сам обжегся и мне того же хочешь? Нет уж, один расхлебывайся со своими москвичками!

На министерский Олимп Игоря неожиданно вознесли не многообразные дарования, а крылья Амура. Однажды он получил неофициальное задание поопекать юную гостью — дочь крупного столичного начальника, приехавшую развеяться на берега Невы. В два счёта, сам того не желая, покори́л эту чувственную блондинку. Покори́л прекрасным знанием города и всего на свете, о чём заходила речь, пикантным остроумием, свободой и изяществом танцевальной манеры, умением проникнуть всюду, минуя очереди... Да, Игорь мог блеснуть, когда был в ударе. Расставаясь на вокзале, Эмма закапала его слезами и так обняла, что, казалось, унесет в своё купе. Впрочем, некоторое время спустя за неё это сделал папа. Приглянувшийся его дочери юноша вдруг оказался референтом министра по связям с прессой. Эта должность подошла ему необыкновенно. Игорь писал шефу статьи, выступления и речи, завёл в редакциях приятелей, держал их в курсе новостей, подсказывал темы. Аккуратно подшивал в папки материалы, к появлению которых имел касательство. Усвоил дипломатическую манеру держаться, соединяющую в себе чопорность с непринужденностью. Производил на журналистов неизгладимое впечатление.

Обосновавшись в Москве, Игорь заделался первостатейным модником. Он чутьем угадывал форму оправы очков или ширину лацкана, раньше других сменил портфель на папку, а папку — на чемоданчик «дипломат». Задолго до того, как вся Москва вспомнила дедовский обычай париться в бане, Игоря уже видели в людных местах с веником под мышкой. И бег трусцой, и коллекционирование валдайских колокольчиков, и многозначи-

тельные наукообразные речения вроде «дерева целей» — все он осваивал первым.

— А что ты хочешь, старик, — не моргнув глазом, отвечал он на насмешки Сергея. — Я ведь лицо Минхимпрома для стервятников пера. По мне судят об отрасли, о передовых рубежах нашей индустрии. Вот и бегу впреди прогресса. Думаешь, легко?

Вероятно, это было нелегко, особенно Эмме: она рьяно обихаживала мужа, придавала ему лоск истинного джентльмена, откармливала до ведомых только ей параметров респектабельности, обнаружив незаурядные кулинарные таланты. Игорь говорил, что женился на котлетах. Впрочем, он был не совсем справедлив к жене, обладавшей и другими достоинствами, не говоря уж о папиной должности. Эмма сначала выглядела довольно заманчиво: сдобная, румяная, соломенные волосы, сентиментальные серо-голубые глаза с поволокой... Удивительно, как при такой здоровой внешности она умудрилась убедить медиков, что неизлечимо больна сердечным недугом. Получила вторую группу инвалидности и оставила необременительную работу юрисконсульта. Целыми днями мыла, чистила, совершенствовала квартиру, священнодействовала на кухне. К вечеру, когда добрые люди возвращались с работы, она приводила себя в порядок и окуналась в «светскую жизнь». Таков был ее идеал, она его достигла и была счастлива.

Игорь стал наливать розовым жирком, ходил оловелый от обжорства, послушно таскался за женой в гости или принимал их с ответными визитами, пока не ужаснулся однажды: ведь это — сытая смерть! Потребовал развода. Его неблагодарность повергла Эмму в слезы. К слезам он был готов, но дальнейшее поведение супруги его озадачило. Эмма утерла лицо и спокойно, толково, используя юридические познания, объяснила ему, что затаскает по судам, с помощью папы и партийной организации погубит карьеру, пустит гулять по Москве голым да еще добьется, чтобы он всю жизнь выплачивал брошенной жене-инвалидке пенсию. Согласились на компромисс: Игорь волен делать все, что ему заблагорассудится, но на людях они — счастливая пара, нерасторжимый союз любящих сердец. Так он и ходил на длинном поводке, изображал образцового мужа, а душу отводил с друзьями и любовницами, которых менял часто, обходясь при этом без драм: отвергнутые не жаловались и оставались его добрыми приятельницами.